

Т. Г. Солтановская

Жан-Поль МАРАТ и «БЕШЕНЫЕ» ВЕСНОЙ 1793 г.

Вопросы новой и новейшей истории:

Республиканский междуведомственный науч. сборник.
Вып.29. Киев: изд. при КГУ «Вища школа». 1983. С.71-77.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

Весной 1793 г. во Франции значительно обострилась классовая борьба, ухудшилось внешнеполитическое положение страны. Жирондисты, которым принадлежала политическая власть, не смогли решить главные вопросы революции: организовать отпор внутренним и внешним врагам, разрешить острые социальные проблемы. В этих условиях все отчетливее звучали требования выразителей интересов предпролетариата и плебейства, шедших в своих требованиях гораздо дальше, чем жирондисты и якобинцы-монтаньяры.

Таковыми выразителями интересов народных масс начиная с 1792 г. стали «бешеные» — [Ж.Ру](#), [Варле](#), [Леклерк](#), [Лякомб](#) и др. В данной статье не ставится задача изучения места и роли бешеных в революции. Эту проблему исследовали [Я.М.Захер](#) [5], [С.Л.Сытин](#) [14], [В.Г.Ревуненков](#) [11; 12], [А.З.Манфред](#) [6; 7; 8] и другие советские историки. Нас интересует вопрос об отношении якобинцев, главным образом [Марата](#), к «бешеным» и их борьбе против [жирондистов](#) весной 1793 г.

Еще с осени 1792 г. в Конвент начали поступать петиции с требованиями установления твердых цен, или, как их тогда именовали, максимума на продукты первой необходимости [15, 296]. В максимуме народные массы видели радикальное средство для борьбы с нищетой, избавления от гнета спекулянтов, считали, что он должен лечь в основу экономической политики республики и действовать постоянно.

До весны 1793 г. якобинцы мало внимания уделяли социальным проблемам, в том числе установлению твердых цен. Однако дальнейшее развитие революции вглубь не могло идти без разрешения социальных вопросов и улучшения положения народных масс. «Под влиянием важных событий, — писал [Жорес](#), — социальная мысль с каждым разом все больше определялась. После **10 августа** началась большая волна социального движения; после смерти короля — другая, значительно большая и широкая...» [4, 100]. Весной 1793 г. «бешеные» гораздо последовательнее и принципиальнее, чем демократические группировки, выступали как представители плебейских масс, пролетариев и полупролетариев Парижа, как наиболее революционная группа того времени [9, 178, 200, 342—344, 347—349].

Зимой—весной 1793 г. они выдвигали следующие требования: установление максимума на все предметы первой необходимости, введение прогрессивного налога, создание национального продовольственного управления, издание суровых законов против спекулянтов. Идеи бешеных получили широкое распространение среди членов клуба Кордельеров, Парижской Коммуны и значительной части федератов, прибывших в Париж. Их агитация отвечала чаяниям широких народных масс, в первую очередь беднейших слоев населения Парижа и других городов Франции.

В борьбе за выполнение программы бешеных [Ж.Ру](#) искал поддержку среди монтаньяров. «В феврале 1793 года, — писал [А.Матъез](#), — он старался увлечь за собой якобинцев, как ему удалось увлечь за собой кордельеров, федератов и Коммуну» [10, 107].

В феврале 1793 г. Париж испытывал острую нужду в продовольствии. 12 февраля 1793 г. при непосредственном участии бешеных от имени 48 секций Парижа в Конвент была подана петиция, в которой говорилось: «Граждане законодатели, недостаточно провозгласить себя Французской республикой. Необходимо, чтобы народ почувствовал себя счастливым, нужно, чтобы он имел хлеб, т.к. там, где нет хлеба, там нет ни законов, ни свободы, ни республики. Мы пришли передать Вам некоторые взгляды в деле обеспечения продуктами питания...» [16, 24, 263—265]. В петиции содержался ряд предложений по улучшению продовольственного положения в стране, в том числе требование установления твердых цен на продажу хлеба и других продовольственных продуктов.

Почти никто в Конвенте не поддержал петиционеров, монтаньяры, как и жирондисты, были против них. Марат резко выступил против мер, предложенных в петиции. «Мероприятия, только что предложенные у решетки Конвента для восстановления обилия, — сказал он, — настолько исключительны, странны и подрывают порядок; они так явно стремятся подорвать свободную циркуляцию зерна и возбудить волнения по всей республике, что я удивляюсь, как они высказаны устами людей, считающих себя разумными существами и свободными гражданами, друзьями справедливости и мира» [16, 24, 270]. Он потребовал, чтобы петиционеры предъявили свои полномочия и заявил, что среди них имеются бесчестные аристократы, а поэтому необходимо проверить у них удостоверения личности.

Все предложения Марата были, против обыкновения, чрезвычайно охотно приняты Конвентом. Кроме того, в «Газете французской республики» от 12 февраля он опубликовал статью «Замечания по поводу так называемой делегации 48 парижских секций и 85 департаментов республики», в которой высказал мнение, что предложенные петиционерами мероприятия были рассчитаны на то, чтобы вызвать голод, потрясение государства и гражданскую войну. Друг народа рассматривал петицию, как внушенную врагами отечества, вожаками, злоупотреблявшими доверием секций [17, 12 fevr., 121].

В конце февраля в Париже начались беспорядки. Возглавляемые «бешеными» бедняки заставили торговцев продавать им товары по сниженным ценам. В Конвенте происходили острые дебаты, жирондисты обрушились на Марата и его статью от 25 февраля, направленную против скупщиков, появление которой совпало с беспорядками. Марат писал в статье, что «в каждой стране, где права народа не являются лишь пустыми словами, торжественно возвещаемыми только в декларациях, ограбление нескольких лавок, у дверей которых были бы повешены скупщики быстро положило бы предел злоупотреблениям...» [17, 25 fevr., 133]. Жирондисты объявили Марата виновником волнений и потребовали предания его суду. Друг народа сумел защититься и указал, что именно политика жирондистов привела к беспорядкам, так как они ничего не сделали для уменьшения дороговизны. В то же время, выступая в Якобинском клубе, Марат заявил, что он осуждает беспорядки, вызванные интриганам и контрреволюционерами, и что он против максимума [16, 24, 343]. Все монтаньяры согласились с ним.

Удивительно, что Марат, который еще в 1790 г. боролся со спекулянтами и требовал от муниципалитета снижения цен а хлеб в интересах трудящихся, на этот раз не поддержал секционного движения и требований «бешеных».

С.Л.Сытин считает, что Марат оказывал влияние на предпролетарских революционеров. Ж.Ру и Леклерк часто ссылались на него, считали своим учителем. Они учились у Марата методам революционной борьбы. Непримириемость Марата ко всем врагам революции и народа, его революционная бдительность, его программа революционного классового террора как единственно надежного средства разгромить силы контрреволюции — вот что заставляло «бешеных» преклоняться перед Другом народа, учиться у него, дорожить его мнением [14]. Однако, заимствовав у Марата методы революционной борьбы, предпролетарские революционеры наполнили их новым классовым содержанием.

Социально-экономические программы предпролетарских революционеров и якобинцев, в том числе и самого Марата, были в конечном итоге противоположны, они выражали интересы антагонистических классовых группировок. В этом крылась основная причина борьбы, которую вели против «бешеных» якобинцы, именно это было главным противоречием, которое разделяло их.

Если сравнивать внешне тексты деклараций тех и других, иногда трудно провести четкую грань между монтаньярами и предпролетарскими революционерами. «Бешеные» требовали смертной казни для спекулянтов и скупщиков. Марат предлагал вешать их у дверей лавок и т.д.

«Однако, чтобы разобраться в партийной борьбе, — писал В.И.Ленин, — не надо верить на слово, а изучать действительную историю партий, изучать не столько то, что партии о себе говорят, а то, что они делают, как они поступают при решении различных политических вопросов, как они ведут себя, в делах, затрагивающих жизненные интересы разных классов общества, помещиков, капиталистов, крестьян, рабочих и так далее» [2, 276]. Объективно в это время социально-экономические программы якобинцев оставались программами различных слоев буржуазии, при всей субъективной преданности тех или иных якобинских лидеров делу трудящихся и угнетенных.

Социально-экономическая программа плебейских, предпролетарских революционеров, каковыми являлись Ж.Ру, Леклерк и Варле, требовавшая немедленного и существенного ограничения прав буржуазной частной собственности в интересах плебейских масс, была для Марата непонятна и неприемлема. Поэтому он видел в агитации предпролетарских революционеров лишь политическую интригу, наносящую смертельный удар республике, а в них самих — заговорщиков и интриганов, за спиной которых орудовали контрреволюционеры.

В марте деятельность «бешеных» активизировалась, в Якобинский клуб поступали петиции, в которых содержались обвинения в адрес жирондистов и их реакционной политики. «Депутаты-изменники, — говорилось в одной из них, — не только должны быть отозваны, но их головы должны пасть под ударом меча закона... Никакой коронованный разбойник не осмелился бы напасть на нас, если бы он не был уверен в поддержке целой партии в Конвенте» [19, 5, 65].

Варле, один из активных деятелей «бешеных», настаивал на немедленном восстании, чтобы изгнать жирондистов из Конвента. 9—10 марта часть «бешеных» хотела поднять восстание против Конвента, но их не поддержали ни клуб Кордельеров, ни Парижская Коммуна, ни большинство секций. Восстание не удалось. Монтаньяры отрицательно отнеслись к этому выступлению, Марат считал, что оно было спровоцировано агентами контрреволюции и требовал, чтобы авторов петиции допросили в Конвенте [9, 256].

В это время Ру, Варле и другие «бешеные» считали необходимым разогнать Конвент — это собрание друзей покойного короля, пытающихся смирить народ голодом и нищетой. Монтаньяры категорически высказались в поддержку Конвента, считая его революционным органом народного представительства. Они указывали, что разгон Конвента может привести к гибели республики и реставрации монархии. Это была совершенно правильная оценка роли Конвента.

Блок якобинцев и жирондистов весной 1793 г. оказался недолговечным. Это было связано как с внутренними событиями в стране, так и с ее тяжелым внешнеполитическим положением. «В начале марта республиканская армия потерпела поражение в Бельгии. На всю французскую революцию, — писал Ф.Энгельс, — огромное влияние оказала война против коалиции, каждое биение ее, пульса зависело от этой войны; проникает коалиционная армия во Францию — это вызывает преобладание блуждающего нерва, сердцебиение учащается, наступает революционный кризис; армия коалиции отступает — получает преобладание симпатический нерв, сердцебиение замедляется, реакционные элементы снова выступают на первый план, плебеев — предтечу будущего пролетариата, энергия которых только и спасла революцию, — вразумляют и умирят» [1, 266—267]. В марте-апреле 1793 г. в стране наступил революционный кризис. Почти одновременно с поражением французской армии на фронте началось роялистское восстание в Вандее, а 1 апреля изменил революции генерал Дюмурье, старленник жирондистов. Ж.-П.Марат давно уже предсказывал возможную измену этого жирондистского генерала [3, 384].

Именно в эти дни и недели у вождей якобинцев происходит постепенная переоценка их позиций в отношении «бешеных». Они порывают с жирондистами, самым непримиримым врагом которых был Марат, и делают попытки сближения с плебейскими массами и бешеными. Стремление к созданию такого союза было направлено к низложению политического господства жирондистов в Конвенте и влекло к изменению социальных взглядов якобинцев.

Возможность использования плебейских масс против жирондистов в значительной степени облегчалась тем, что весной 1793 г. как в Париже, так и во всей Франции имело место значительное усиление активности рабочих, ремесленников, предпролетариата в борьбе за улучшение своего экономического положения [20, 21—78].

Поворот якобинцев в сторону сближения с бешеными шел в политическом и экономическом направлениях: в марте-апреле Конвент принял декреты об учреждении Чрезвычайного трибунала, наказании мятежников, создании во всех коммунах республики наблюдательных комитетов, о создании Комитета общественного спасения [16, 25, 61, 131—133, 140—141].

В экономической области первой важной уступкой требованиям бешеных было принятие Конвентом в апреле закона об уравнивании ассигнатов со звонкой монетой и запрещении торговли золотой монетой и др. В то же время предусматривались суровые наказания за посягательство на собственность. В апреле при обсуждении в Конвенте адреса секции Хлебного рынка, в котором содержалось требование борьбы со скупщиками и предания суду вождей жирондистов, Робеспьер не только поддержал этот адрес, но и обвинил жирондистов в том, что они умышленно раздули значение событий 25-26 февраля [18, XIX, 568]. Исходя из создавшегося положения, А.Матьез делал совершенно правильный вывод, что уже с 10 апреля было очевидно, что установилось согласие между Коммуной и секциями, с одной стороны, и Горой - с другой Коммуна и секции помогут Горе победить Жиронду, Гора же в вознаграждение за это поддержит социальную программу бешеных [10, 137].

Именно под влиянием упомянутых событий монтаньяры, в том числе и Марат, весной 1793 г. все больше начинали понимать, что без проведения кардинальных мер в деле улучшения положения широких народных масс города и деревни им не удастся сокрушить своих внутренних и внешних врагов и довести революцию до конца. В их мировоззрении происходит сложный процесс трансформации взглядов на разрешение социальных вопросов революции и об отношении к собственности. Об этом говорил Робеспьер 24 апреля 1793 г. при обсуждении проекта новой конституции [13, 320—322]. Много внимания социальным проблемам, по сравнению с предыдущими периодами, уделял Марат. В своих выступлениях в Конвенте и газете он предлагал провести ряд социальных декретов. Несомненно, определенное влияние на него оказала и агитация «бешеных».

В советской исторической литературе уделялось мало внимания анализу социально-экономической программы Марата весны 1793 г. Предлагая план переустройства армии и превращения ее в боевую революционную силу, он считал необходимым решить вопрос о материальном обеспечении солдат и их семей, о вознаграждении тех граждан, которые приносят себя в жертву, защищая отечество с оружием в руках, и к своему несчастью окажутся искалеченными и боях, или их семей, если они лишатся жизни [9, 246].

Меры по улучшению материального положения патриотов должны были заключаться, по мнению Марата, в обеспечении каждому возможности приобретения маленького участка земли, они имеют еще то драгоценное преимущество, что будут способствовать возрождению нравственности благодаря увеличению числа собственников. «Благодаря предложенным мерам, — подчеркивал он, — каждый француз тем охотнее будет жертвовать жизнью для своего отечества, что отныне у него не будет беспокойства за судьбу своей жены и своих детей» [9, 246]. Для социально-экономических взглядов Марата в этот период, как видим, характерна поддержка предложения об увеличении числа мелких сельских собственников, что соответствовало взглядам якобинцев, идейных наследников Ж.-Ж.Руссо.

В «Газете французской республики» от 1 марта 1793 г. он снова затрагивает вопросы экономического положения страны. «Бедствием, мучавшим нас, — писал Марат, — является прежде всего нищета, которая будет все время возрастать» [17, 1 mars, 137]. Одной из причин этого положения, по мнению Марата, было наличие огромной массы ассигнатов, стоимость которых уменьшалась постоянно с увеличением их количества, а уменьшение их стоимости влекло увеличение цен на продовольствие. «Вскоре, — пишет Марат, — цены достигнут такого уровня, что для неимущих классов они станут недостижимыми, а к этим классам относится две трети нации» [17, 1 mars, 137]. «Будете ли вы ждать, — обращается Марат к членам Конвента, — пока вспыхнут самые страшные беспорядки, а возможно будет низвергнуто правительство, потому что изголодавшийся народ не знает законов» [17, 1 mars, 137].

Марат предлагал свой план преодоления прогрессирующих экономических затруднений. Он считал, что разрешить финансовые затруднения можно путем уничтожения государственного долга с немедленной оплатой всех кредиторов государства посредством национальных бонов, которые должны быть выпущены на сумму долгового обязательства, с приемом их в уплату за национальные имущества [17, 1 mars, 137]. Марат напоминал, что эта мера принесла бы положительные результаты в деле облегчения положения народа, так как она уменьшила бы массу налогов, исчезли бы проценты по государственному долгу, прекратилась скупка звонкой монеты, а следовательно, и увеличение цен на продовольствие, был бы положен конец спекуляциям скупщиков из государственного казначейства. «Этими мерами можно будет ускорить распродажу национальных имуществ, привязать новых собственников к отечеству и закрепить революцию» [17, 1 mars, 137]. Сегодня трудно сказать, насколько этот проект был эффективным, так как он не был, да и не мог быть реализован жирондистами.

В этой статье, как и в предыдущих, Марат вновь призывал к распродаже национальных имуществ и созданию новых мелких собственников, которые спасут революцию.

В марте Друг народа снова возвращается к вопросу о тяжелом материальном положении народа, в котором он находится уже четвертый год. Обращаясь к патриотам Конвента, Марат поднимает один из самых жгучих социальных вопросов - о борьбе с нищетой. «Я показал вам, что первой причиной, мешающей больше всех установлению сред нас порядка, является крайняя народная нищета, которая постоянно возрастает, угрожает государству страшной анархией и приведет к его полному распаду, если немедленно не будут приняты меры» [17, 1 mars, 137].

Исходя из тяжелого положения в котором оказалась революция, и несомненно под влиянием движения «бешеных», Марат ставит вопрос о борьбе со всевозрастающим ухудшением положения народных масс. «Недостаточно, - указывает он, - помешать увеличению нищеты, нужно начинать с ее уничтожения, это был бы лучший способ для укрепления революции» [17, 1 mars, 137].

Марат подвергает резкой критике социальную и финансовую политику всех предшествующих собраний, подчеркивает, что эта политика и в особенности принятая система продажи церковных имуществ - главного богатства, отвоёванного революцией, были ошибочными: «Вознаграждение получили почти исключительно одни кредиторы государства, обладатели подложных обязательств, взяточники, ростовщики, сборщики податей, финансисты, капиталисты, т.е. как раз те, которые могли бы обойтись без оплаты», значит, от этого выиграли только богатые. «Тогда как честным поставщикам, - пишет он далее, - бедным отцам семейств, рабочим, т.е. тем, кто не имел для пропитания ничего, кроме неоплаченных обязательств, было отказано, что привело к разорению множества честных граждан, находящихся сейчас в нужде и доведенных до нищенства» [17, 1 mars, 137]. В результате такой политики бедное население страны проиграло и число неимущих увеличилось вдвое. «Церковные имущества, - подчеркивает Марат, - были достоянием бедных; лишив их этого источника, Учредительное собрание обрекло их на голодную смерть» [17, 1 mars, 137].

Друг народа предлагает свой проект реализации церковных имуществ. Он считает необходимым разделить их на три равные части, из которых одна предназначалась бы для оплаты служителей религии, другая шла на уплату законных долгов правительства и третья - в пользу неимущих. «Разделив между бедняками, мелкими участками, третью часть церковных земель, - считает Марат, - мы выполнили бы по отношению к ним неотложное обязательство, возлагаемое справедливостью, сделали бы их полезными гражданами, крепко привязали бы их к революции, и государство выиграло бы от этого вдвойне» [17, 2 mars, 138].

Марата беспокоит не только вопрос о временном улучшении материального положения народных масс, он считает, что необходимо принять такие меры, которые давали бы им постоянные средства к существованию и способствовали бы превращению неимущих граждан в активных членов государства. Это «привязало бы их к отечеству и вынудило трудиться» [17, 2 mars, 138].

Одной из таких мер, по мнению Марата, являлось распределение общинных земель, пустошей и невозделанных земель, и также «следовало распределить небольшими участками, снабдив владельцев земледельческими орудиями, семенным зерном и пропитанием на шесть месяцев» [17, 2 mars, 138].

Эти и другие предложения Марата касались самых важных вопросов революции. Если до сих пор наиболее слабым местом его политической программы было недостаточное внимание к крестьянскому вопросу - главному вопросу Великой французской революции, то весной 1793 г. он начинает более глубоко понимать, что без разрешения аграрного вопроса невозможно будет довести революцию до конца. Характерно, что внося свои предложения в Конвент о наделении неимущих землей, Марат выступал прежде всего как революционный вождь, видевший в предлагаемых мерах решение стратегических задач революции.

Рассуждая о долге перед неимущими, о принципах справедливости и т.д., Марат понимал, что главное для него было все-таки в другом. Он неоднократно подчеркивал, что наделение неимущих землей позволило бы крепче привязать их к отечеству, революции и республике. В этом он видел радикальное средство расширения социальной базы революции, создания в лице нового крестьянина, получившего землю от революционной власти, новой прочной социальной опоры революции в борьбе против внутренней и внешней контрреволюции.

После прихода якобинцев к власти эти идеи были претворены в жизнь в аграрном законодательстве якобинской революционно-демократической диктатуры.

Сила якобинцев, в том числе и Марата, была в том, что они умели прислушиваться к голосу народа. И это заставило их постепенно изменить свое отношение к требованиям, выдвигаемым «бешеными».

Марат и якобинцы, вначале отвергавшие требования максимума, постепенно, и в особенности после того, как в апреле за максимум высказались и члены Коммуны Парижа, начинали понимать необходимость принятия этих мер. Несмотря на яростное сопротивление жиронды, они провели 4 мая 1793 г. в Конвенте решение об установлении твердых цен на зерно. Это означало установление блока между якобинцами и «бешеными» в их дальнейшей борьбе против жирондистов в мае 1793 г.

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т.37.
2. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т.21.
3. *Далин В. М.* Грахх Бабеф. М., 1963.
4. *Жорес Ж.* Конвент. М., 1932.
5. *Захер Я.М.* Движение «бешеных». М., 1961,
6. *Манфред А.З.* Великая французская буржуазная революция. М., 1966.
7. *Манфред А.З.* О природе якобинской власти. — *Вопр. истории*, 1969, № 5.
8. *Манфред А.З.* Марат. М., 1962.
9. *Марат Жан-Поль*, Избранные произведения, т.3. М., 1956.
10. *Матьез А.* Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.—Л., 1928.
11. *Ревуненков В. Г.* Парижские санкюлоты эпохи Великой французской революции. Л., 1971.
12. *Ревуненков В.Г.* Парижская Коммуна 1792—1794 г. Л. 1976.
13. *Робеспьер М.* Избранные произведения, т.2. М., 1956.
14. *Сытин С.Л.* «Бешеные» и якобинцы после народного восстания 31 мая — 2 июня 1793 г. — *Уч. зап. Ульянов, гос. пед. ин-т им. И.Н.Ульянова*, 1959, т.15, вып.3.
15. Французская буржуазная революция 1789—1794. М.-Л., 1941.
16. *Buchez Ph.J. B., Roux P.C.* Histoire parlementaire de la Revolution francaise. Paris, 1834—1838.
17. *Journal de la Republique rancaise, par Marat, fevr.-avr. 1793.*
18. *Gazette nationale ou le Moniteur universel*, t.XIX.
19. *La Sociйтй de Jacobins*, t.6.
20. *Rude G., Les ouvriers parisiens dans la Revolution Francaise.* — *La Pйnсий*, 1953, N 48—49.